

Живет в Риге (Латвия).

Крепкий орех

...только мама и ты. И весна на дворе.
Воздух детства, звенящий, как спелый арбуз.
Слово «Родина» – крепкое, точно орех –
не распробуешь с первого раза на вкус.

...середина пути. И дождём осаждён
серый город, дрейфующий в талой воде.
Так бывает: годишься не там, где рождён...
а бывает... и вовсе не годен нигде.

...и трясёшься в вагоне – судьбе ли назло? –
Вот и дерево кроной глядит на восток. –
Так подбитая птица встаёт на крыло,
безнадёжно ловя восходящий поток.

...а тебе говорят: «Так ведь это – твой дом!» –
ножевые слова – как удары серпа.

Слово – крепкий орех, да вот только потом...
от него остаётся одна скорлупа.

...и царапашь душу в густой трын-траве.
Но с тобой пуповиной земли сплетены –
вместо матери – крест, вместо Родины – две
совершенно чужих бесприютных страны...

Дорожное

...а за окном – берёзово. Шпалы – чересполосицей.
Небо играет красками щедро и нараспев.
Сумерки гонят с пастбища рыжее стадо осени.
Даль убегает в прошлое, выдохнуть не успев.

Только прикосновение, только намёк – не более...
Тянется-канителится времени волокно,
зыбится послесловием чеховской меланхолии...
Жёлтый зрачок прожектора высветил полотно.

Беглый этюд – плацкартное: рыжий трехлетка с яблоком.
Ложка по подстаканнику бряцает бубенцом.
На незнакомой станции суетно, как на ярмарке.
Пахнет капустой квашеной, бочечным огурцом.

Можно дышать, как дышится... или парить, как движется.
Можно сказать, как выдохнуть – шелестом-ветерком.
Только вот слово «Родина», в общем-то, слишком книжное...
лучше бы – полушепотом, тающим сквозняком.

Бродят слова ненужные (вроде письма с оказией) –
то ли уже на подступе, то ли еще в пути ...

– Вяленным рыбным Севером, спелой арбузной Азией,
мокрым хохлатым Питером
встреть меня, приюти...
и посмотри доверчиво... и обними по-дружески...
пусть себе паутинится медленной речи вязь.
Будь ты слегка подвыпившей, луковой и простуженной...
Знаешь, и пуповинная недолговечна связь.

Вижу – на шею времени кольца легли годичные.
Вижу как из дорожного старого рюкзака
волком глядит предательство паспорта заграничного
с ужасом обреченности вечного чужака.

В плацкартном вагоне

«Скорый» ход набирает, время его пришло –
измерять колёсами Среднюю полосу.
А моя попутчица – как же не повезло –
говорливая тётка, жующая колбасу.

И она все болтает, битком набивая рот...
Вот ведь, думаю, надо же – выдался мне «досуг»!
А она – про соседку, Путина, огород...
начала о себе. Побежали мурашки вдруг.

И в глазах её шевельнулось на самом дне
то, что с детства задолблено: взялся – тяни свой гуж.
Её сын в девяносто пятом погиб в Чечне.
В девяносто девятом повесился спьяну муж.

Она, пот отирая со лба, говорит: «Жара».
Отхлебнув воды, улыбается: «Хорошо».
У неё умирает от рака в Москве сестра,
она едет прощаться с последней родной душой.

Паренька жалеет: «Совсем еще не окреп.
Видно мать измаялась, бедная, ждать сынка!» –
Спит в наушниках тощий дембель, сопя под рэп,
с верхней полки свисает жилистая рука.

Всё затихло, уснуло, съёжилось, улеглось.
И вагон стучит колёсами и храпит.
Но метёт мозги бессонницы помело.
Сколько сорных мыслей...
какая из них пронзит,
прошибёт, проймёт до ядрышка, до нутра? –
«Я лишь пепел Европы, и здесь не моя страна»...
Как же сладко курится в тамбуре в пять утра!
За окном рябинно, розово. Тишина.

[Страница автора в Сети](#)

Елена Копытова. "Я лишь пепел Европы..."

Автор: Оргкомитет
09.09.2014 13:38

⚠️ Осторожно! В этом документе содержится конфиденциальная информация. Ее распространение может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.